

Вег. Москва - 1987 - 31 окт.

ЗЕРКАЛО ТВОРЦА

Сегодня Анатолию Дмитриевичу Папанову исполнилось бы 65 лет... Сегодня Московский академический Театр сатиры показывает в его память и честь единственный спектакль режиссера Папанова — «Последние» М. Горького.

Спектакль, к которому так накрепко подходят слова великого русского критика В. Стасова: «Всякое художественное произведение есть всегда верное зеркало своего творца, и замаскировать в нем свою натуру ни один не может».

Верное зеркало творца... Спектакль несуетный, интеллигентный, очень бережный в обращении с пьесой, актерами, художником... Сам Папанов словно «растворился» в них — режиссура дирижует, но не солирует. Деликатно и скромно уступая и даря возможность взлета своим коллегам, Папанов не изменил себе, своей натуре в этом первом режиссерском опыте, которому так горько суждено было стать последним...

Сам выбор одной из трагичнейших и сложнейших пьес Горького для Театра сатиры стал неожиданным. Мне видится в этом чувство времени — особое, обжигающее: беспощадное анатомирование краха дома Коломийцевых. Дома, пропитанного ненавистью, дома, где милосердие методично и оголтело убивается, где жутко сплетаются и правят людьми и событиями прагматизм и страх, — словно опосредованно проецируется в день нынешний, вызывая к милосердию, что у нас в дефиците. Не случайно Папанов «замыкает» действие в комнатах, не пропуская в них ни звука с улицы: «дом» отразит «улицу», целый рушащийся за окнами мир, и не распахиная штор.

В выборе этой пьесы — и желание, и ощущение необходимости разговора с залом на высоком уровне культуры, отрыв от линии «Кабачка 13 стульев», в чем-то проштемпелевавшей и театр, и многих его актеров... Папанов взял пьесу М. Горького, музыку С. Рахманинова, пригласил сценографом А. Васильева...

Васильев «выстроил» на сцене интерьеры дома: огромного, вычурно — безвкусного, богатого и убогого одновременно, плотно меблированного и как-то гулко и неуютно пустого. Этот дом невозможно обжить. Все утыкается по углам, все не находят места — в доме, в жизни.

О Папанове — режиссере главное можно сказать словами Гете: «Хорошими пьесами я поднял уровень актеров». В том, как мастерски заиграли в «Последних» актеры, видна умелая и щедрая рука Мастера. Он сумел создать ансамбль — редкое явление в сегодняшнем театре. Но в этом ансамбле так не хватает его самого. Отдавшего роль Ивана Коломийцева Г. Менглету. «Свою» роль. В этом — тоже Папанов.

Может быть, сыграв Папанов, спектакль был бы об отцах и детях. Сегодня он только о детях. И самая острая зрительская боль, и самые заметные актерские удачи связаны с детьми: Александром, Надеждой, Любовью, Петром, Верой.

А. Диденко продолжил своим Александром ту актерскую линию, что начал ролью начальника контрразведки Тихого в «Беге» М. Булгакова. Но здесь, в «Последних», может быть, впервые актер дотла распахнул сызмальства изъеденную душу своего персонажа, душу, прокаленную временем и семьей...

В совершенно новом качестве проявилось острокarakterное дарование Н. Селезневой. Кажется, даже внешне не похожа на ее мелко-кокетливую Горич из «Горя от ума», или нелепую дуреху Ларису из «Родненьких моих» эта Надежда — надежда и тайная властительница семьи Коломийцевых. Плебейка с аристократическими замашками, безумно эффектный экзотический зверек, постоянно заигрывающий даже с собственным отцом, хитрая и умная бестия, ведущая жуткую, на много шагов вперед просчитанную интригу захвата дома Коломийцевых. Растлевающая фурия в прелестной оболочке — такой Надежды в предыдущих постанов-

ках «Последних» не было. Была руководимая наглым мужем, Лешом, барынька, жаждущая комфорта любыми средствами. Здесь, в спектакле Папанова, Надежда руководит мужем, да и всеми вокруг: крупный и потому более страшный характер.

В роли Любви проявился трагический дар Т. Бондаренко. Имя почти не знакомое. В этом спектакле актриса сыграла сильно и строго одну из сложнейших ролей классического репертуара. В убогом теле — высокую и гордую душу. Боль, судорожно прикрываемую злобой. Страдание обездоленного, без вины виноватого человека.

Папанов взял в спектакль и совсем молодого артиста, хотя на роль Петра в труппе есть более опытные и типажно подходящие. Взял дебютанта — артиста — для своего режиссерского дебюта. Риск. Оправданный самым решительным образом. С. Чурбаков сыграл трагедию ломающейся от познания окружающего мира души пронзительно, а юность исполнителя придала еще большую горечь случающемуся.

И, наконец, С. Рябова — Вера. Вера, которую лишают веры... Еще чуть-чуть, и она не уступит Надежде, став под ее умелым руководством на путь старшей сестры... Моментами С. Рябова балансирует на той грани, за которой — патология, таков сюжет. Но не преступает ее. Так провел молодую актрису к роли режиссер.

Вера, у которой отнимают веру, как у Любви — любовь, как иронично и символично для этого дома Надеждой кличут героиню Н. Селезневой. Нет у этой семьи будущего. Нет веры, надежды, любви... И не по дяде Якову, а по семье, лишенной будущего, — свечи и панихида в финале «Последних». Они — последние.

Анатолий Дмитриевич Папанов этим спектаклем словно завещал нам боль. Боль за лишенных милосердия. У него болело за них сердце. Потому и не выдержало...

С. ТУРИЧИНА.

157